

©2023 В.А. РЫБИН

ПРОБЛЕМА СТРЕССА И ФЕНОМЕН СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МЕДИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Рыбин Владимир Александрович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии.

Челябинский государственный университет. Специалист в области философии медицины, медицинской антропологии, философии образования. По первой профессии врач, 20 лет стажа в практической медицине в качестве анестезиолога-реаниматолога.

Российская Федерация, 454001 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

ORCID: 0000-0002-3343-1048

voldemarrybin@yandex.ru

Аннотация. В условиях современности все более остро заявляют о себе неблагоприятные демографические тенденции. Они затрагивают население наиболее развитых и благополучных регионов, но свидетельствуют о снижении жизнеспособности человеческой популяции в целом. Речь идет о «болезнях цивилизации», которые возникают под действием психоэмоционального стресса. До недавнего времени главное внимание уделялось психологическому его аспекту, но сегодня необходимо сделать акцент на его соматической, телесной составляющей. Для этого требуется совершенствование классической концепции стресса прежде всего за счет выделения базисного критерия жизнеспособности биологических организмов. Таким критерием является феномен смерти. Сегодня смерть рассматривается как некое автономное начало, абсолютно противоположное жизни. Тем не менее в науке и философии существует иная точка зрения, согласно которой смерть — это только эпифеномен жизни, сопутствующий ее эволюционному характеру.

На уровне биологической эволюции живое адаптируется к живому. На уровне культуры в эволюцию включается неживое начало в образе техники, которую создает человек. В наши дни, на переходе от второго к третьему тысячелетию, этот процесс достигает апогея. Техносфера встает над биосферой, а живое вынуждено адаптироваться к неживому. Отсюда стресс, массовая заболеваемость и депопуляция. Для концептуализации альтернативной перспективы необходимо интерпретировать стресс как результат рассогласования процессов торможения и возбуждения в центральной нервной системе человека под воздействием неблагоприятных внешних условий. При подобном подходе возрастает значение учения А.А. Ухтомского о доминанте, где торможение играет главную роль. Представляется, что основные положения этого учения, введенные в широкий теоретический оборот, будут способствовать продуктивному решению целого ряда медико-биологических проблем, встающих перед современным человечеством.

Ключевые слова: человек, человечество, жизнь, эволюция, депопуляция, стресс, онкология, смерть, болезни цивилизации, доминанта.

Ссылка для цитирования: Рыбин В.А. Проблема стресса и феномен смерти в современном мире: медико-философский аспект // Человек. 2023. Т. 34, № 4. С. 11–26. DOI: 10.31857/S023620070027350-2

На протяжении нескольких последних десятилетий демографические показатели, характеризующие жизнеспособность человеческой популяции, демонстрируют явный парадокс: в тех регионах и странах, которые принято считать лидерами научно-технического и общекультурного прогресса, явственно нарастают деструктивные демографические тенденции, связанные со снижением рождаемости, постарением населения, ростом его заболеваемости и снижением численности, то есть с депопуляцией. Если снижение рождаемости обосновывается вполне рационально [Капица, 2010: 156–157], то указание, например, на тот факт, что «в странах с высоким уровнем дохода рак стал главной причиной преждевременной смерти» [Мировая статистика здравоохранения 2020: 12], представляется непонятным и тревожным. Как утверждают биологи и демографы [Гаврилов, Гаврилова, 1991: 91–92], ссылки на совершающийся в результате улучшения качества жизни переход от экзогенных причин смертности населения (голод, инфекционные заболевания, войны и т.д.) к эндогенным (постарение населения, хронические неинфекционные заболевания и т.д.), мало что способны прояснить и даже запутывают понимание, поскольку эти сдвиги, во-первых, сами являются производными более фундаментальных трендов, а во-вторых, демонстрируют, что достижения прогресса в нарастающей степени

сочетаются с антропологической деструкцией [Человечество обречено на вымирание, 2021; Вопросы вымирания, 2022].

Иногда рост смертности от онкологии в развитых странах объясняют постарением населения и совершенствованием медицинской диагностики, но логика подобных умозаключений выглядит, как минимум, поверхностной, ибо сам этот рост свидетельствует как раз о том, что оптимизация технической базы медицины не способна переломить неблагоприятные тенденции. Имеются и другие нестыковки: отмеченный ВОЗ факт роста заболеваемости раком легкого на 74% среди мужского населения Турции в течение 1990–2010 годов [Глобальное бремя болезней: 25] вряд ли связан с улучшением диагностики и возрастными сдвигами, поскольку данные факторы попросту недоступны существенным изменениям за столь краткий период. Речь определенно идет не об относительном, а об абсолютном повышении смертности, причем не только от онкологии, но также от ишемической болезни сердца и суицидов [Мировая статистика здравоохранения 2020: 1], то есть о вымирании в полном смысле этого слова.

Если бы данный тренд сочетался с ухудшением условий жизни, это вряд ли кого-нибудь удивило, может быть, лишь в плане интенсивности этих процессов [Улумбекова, 2016: 28], но парадоксальная корреляция между повышением качества жизни и снижением жизнеспособности человеческой популяции выглядит загадочно. Тем не менее она статистически доказана [Львов, 2016], а ее угрожающие последствия очевидны не только для научного, но и обыденного сознания [Человечеству предрекли вымирание из-за стрессов, 2023]. На этом фоне закономерно актуализируется запрос на выявление глубинных причин той массовой антропологической деструкции, которая нарастает в авангардных регионах современной цивилизации.

Методологические предпосылки

Долгое время решение обозначенного парадокса усматривалось в теории «факторов риска», которые, как принято считать, создают фон для возникновения и развития массовой заболеваемости [Медик, 2003: 170]. К их числу относят курение, алкоголизм, несбалансированное питание, гиподинамию, а также психоэмоциональный стресс или «общий адаптационный синдром» [Лисицын, 1999: 74]. В наиболее общем виде стресс определяется как совокупность внутренних реакций, направленных на адаптацию (приспособление) живого организма к внешней среде, но при достижении определенной их интенсивности приводящих к его деструкции [Иллюстрированный энциклопедический словарь,

В.А. Рыбин

Проблема стресса и феномен смерти в современном мире: медико-философский аспект

1995: 665]. Такая деструкция реализуется в виде «болезней адаптации», применительно к человеку именуемых также «болезнями цивилизации», среди которых преобладают сердечно-сосудистые и онкологические заболевания [Лисицын, 1999: 90].

Уязвимость теории «факторов риска» заключается в том, что, фиксируя некую зависимость в отношениях организма и среды, она не способна установить четкую причинно-следственную связь между повреждениями и их причинами. На этом фоне стресс по сравнению с другими факторами выглядит выигрышным образом, поскольку имеется достаточно доказательств, что именно стресс приводит к развитию «болезней цивилизации», разрушая «слитность психического с соматическим» [Тополянский, Струковская, 1986: 11]. Восстановлением баланса этих начал занимается психосоматика как особая клиническая дисциплина, но повсеместный опыт ее внедрения в практику показывает, что реализуется она преимущественно в русле психоаналитической традиции (школы Ф. Александера, Ф. Данбар и др.), которая ориентирована на психическую составляющую. В физиологии стресс до сих пор оценивается со стороны эмоций [Словарь физиологических терминов, 1987: 364], следовательно, опять же в психологическом ключе. Между тем распространение «болезней цивилизации», явственно указывающее на связь стресса с какими-то «стабильными биологическими особенностями популяций человека» [Гаврилов, Гаврилова, 1991: 72], требует переноса исследовательского акцента на соматическую составляющую психосоматики. В этом отношении особого внимания заслуживает классическая концепция стресса Ганса Селье.

Стресс: обновленная интерпретация

В интерпретации Селье стресс — это «отклонение от гомеостаза», нарушение стабильности функционирования организма, наступающее в результате внешних воздействий и проявляющееся как совокупность его ответных внутренних реакций, которые позволяют ему вернуться в исходное устойчивое состояние [Селье, 1979: 31–32]. Согласно Селье, все живые организмы реагируют на среду, во-первых, целостно (то есть в согласованном взаимодействии своих главных жизненных систем: нервной, гормональной, иммунной), во-вторых, единообразно (то есть в однонаправленной последовательности трех стадий «общего адаптационного синдрома»: тревоги, резистентности, истощения).

Надо отметить, что, признавая значимость нервной системы в развитии стресса, Селье отдавал приоритет гормональной его составляющей. Именно по этой причине в Советском Союзе его теория была

принята с некоторым запозданием — в тогдашней отечественной физиологии господствовала доктрина «нервизма», точнее, кортико-висцеральная теория в интерпретации школы И.П. Павлова. Например, в учебнике «Патологическая физиология» под редакцией А.Д. Адо 1980 года издания термин «стресс» не используется, а концепция Селье не упоминается. В целом же идея гомеостатического регулирования отношений организма со средой была повсеместно принята и оказала значительное влияние на науки о жизни.

И все же с самого начала она содержала в себе ряд уязвимых пунктов. Прежде всего, вполне очевидно, что существование живого организма не ограничивается его возвратом к состоянию стабильности, что любая жизнедеятельность в той или иной степени предполагает выход за рамки гомеостаза и нарушение внутреннего равновесия. Стресс, таким образом, является безусловным условием жизни. Но, если так, каким же образом он становится фактором ее нарушения или даже прерывания? Без ответа на вопросы этого рода концепция стресса сводится лишь к описанию последовательности его стадий и фиксации соответствующих им физиологических сдвигов.

Селье понимал слабые стороны своей теории и постоянно совершенствовал ее. В частности, сочетание благоприятных и деструктивных для организма эффектов он в позднейший период своей деятельности стал объяснять сосуществованием двух вариантов стресса — «полезного», соответствующего физиологической норме, и «вредного», ведущего к ее нарушению («дистресс»). Причину же перехода второй, устойчивой, «резистентной» стадии стресса в третью, деструктивную стадию «истощения», Селье пытался истолковывать израсходованием некоей «адаптационной энергии» [там же], которую он трактовал как «ограниченный запас жизнеспособности, отпущенный нам при рождении» [там же: 105], что не могло не провоцировать критических обвинений в механицизме, витализме, идеализме и т.д. И хотя сам термин «стресс» прочно закрепился в массовом сознании, конкретного ответа на вопрос о механизме и индикаторах утраты организмом своей жизнеспособности Селье так и не дал. По этой причине теория стресса до сих пор остается достоянием скорее лабораторной сферы, чем лечебной практики.

Тем не менее, у Селье имеются некоторые важные намеки. В своих работах он неоднократно подчеркивал определенные общие признаки деструктивного процесса, складывающиеся в «синдром болезни»: «И при больших кровопотерях, и при инфекционных заболеваниях, и в случае запущенного рака больной теряет аппетит, мышечную силу, всякое желание что-либо делать. Обычно он также теряет в весе, и даже выражение лица выдает его болезненное состояние» [там же: 33]. Это не что иное, как

В.А. Рыбин

Проблема стресса и феномен смерти в современном мире: медико-философский аспект

признаки смерти или ее приближения: «Каждая стрессовая реакция, особенно стадия “истощения”, обуславливает изнашивание организма, приближает его к старости и смерти» [Аршавский, 1982: 15]. Следовательно, базисный индикатор утраты жизнеспособности организма, а также феномен, заключающий в себе решение проблемы стресса, — это смерть.

Рассмотрение проблемы стресса, таким образом, необходимо перенести в сферу анализа жизненного процесса, сочетающего в себе жизнь и смерть.

Феномен смерти как предмет познания

И в общетеоретическом, и в обыденном сознании до сих пор господствует представление, что смерть — это начало, абсолютно противоположное жизни и в конечном счете господствующее над ней. Логика умозаключений в этом плане мало изменилась со времен Эпикура: есть жизнь — нет смерти, приходит смерть — уходит жизнь.

Что касается научного познания, то оно долгое время вообще исключало смерть из сферы своего внимания. Вплоть до середины XX века предметом повышенного интереса науки оставалась преимущественно *восходящая линия* природных процессов, связанная с ростом и совершенствованием живых систем, тогда как *нисходящую линию*, связанную с их деградацией и распадом, было принято относить на счет второго начала термодинамики и принципа энтропии, которые рассматривались в качестве конечных причин, не требующих дальнейших объяснений. Анри Бергсон определял жизнь как «восходящий поток, которому противодействует нисходящее движение материи» [Бергсон, 1998: 262]. В.И. Вернадский главное свойство живой материи связывал с ее способностью непрерывно наращивать силу вещественного и энергетического воздействия на окружающую среду [Вернадский, 2001: 301–302]. Эрвин Бауэр, выдвигая «принцип устойчивого неравновесия» в качестве основного закона биологии [Бауэр, 2002: 143], руководствовался аналогичными соображениями.

Между тем восхождение — это только одна сторона жизненного процесса. Существование живых организмов невозможно без обновления, которое протекает в процессе обмена, следовательно, предполагает распад отработанных субстратов и введение на их место новых. Иными словами, живые системы воспроизводятся посредством сочетания синтеза и распада, обновления и деградации и т.д., и потому смерть не является началом, совершенно чуждым жизни. Это было понято еще в начале XX века, когда в науках о живом сформировалось убеждение, что смерть возникает только в мире органической, живой природы [Биология старения,

1982: 70–72], что познавать ее следует на путях более глубокого постижения самого жизненного процесса. Так, А.А. Ухтомский в своих записных книжках отмечал: «Смерть сама по себе настолько не поддается выражению в самостоятельном законе, в самобытном разумном содержании, что всякие попытки ее истолкования и объяснения достигаются не иначе, как из интересов жизни и ради жизни. <...> Замечательно, что попытки оправдать, “объяснить” смерть исходят всегда из понятий жизни» [Ухтомский, 1997: 212].

Перелом в отношении к феномену смерти наступил во второй половине XX века, причем парадоксальным образом, на фоне очевидных успехов в познании жизни. С одной стороны, медицинские прорывы в практике оживления и последующее выделение реаниматологии как новой лечебной дисциплины продемонстрировали ограниченность этих достижений, ибо на этом фоне смерть в более общих ее проявлениях (например, в виде старения) предстала фактором, все еще недоступным серьезному противодействию. С другой стороны, сформированная в этот период синтетическая теория эволюции, которую одно время было принято рассматривать как высшее достижение в науках о живом, по признанию некоторых авторитетных генетиков так и не смогла выявить какой-то главный и скрытый фактор жизненного процесса [Lewontin, 1991: 12–13].

Сомнения в том, является ли смерть самостоятельным началом, явственно обозначились и в философии, и в медико-биологической науке. Интересные идеи по поводу смерти высказал в этот период Н.Н. Трубников: «Смерть предполагает жизнь, начинается с жизнью и с жизнью же — заканчивается. Конец жизни есть конец смерти, то есть умирания. По существу, смерти нет, есть смертное, то есть живое» [Трубников, 1990: 445]. Теоретические обобщения крупнейшего отечественного патолога Д.С. Саркисова, подчеркнувшего, что все адаптивные реакции организма носят регенеративный характер и направлены на синтез, что сущность жизни «состоит в усилении биологических процессов» [Саркисов, 1981: 276], по сути обозначили линию на отказ от рассмотрения смерти в качестве самостоятельного, равнозначного жизни начала. Что касается апоптоза, который одно время было принято рассматривать как некую автономную программу умирания, то есть весомые основания расценивать его как подготовительную фазу регенерации в качестве магистрального потока всего жизненного процесса [См.: Программированная клеточная гибель, 1996]. В конце концов было обосновано, что природный эволюционный процесс не нуждается в особом внутреннем механизме смерти помимо той организменной устойчивости, которая возникает у конкретных видов в ходе межвидовой конкуренции, закрепляется на генетическом уровне и проявляется как видоспецифическая

В.А. Рыбин

Проблема стресса и феномен смерти в современном мире: медико-философский аспект

продолжительность жизни: «Механизм прекращения воспроизведения возникает автоматически и не будучи запрограммированным» [Дильман, 1987: 84–85]. В общем виде единый закон существования живых систем был сформулирован Н.И. Чуприковой в сфере общей психологии: «Согласно этому закону, везде, где имеет место прогрессивное органическое развитие, оно подчинено ортогенетическому принципу. Начинаясь с некоторых простых, примитивных и целостно-глобальных форм структуры и функций, оно идет к формам все более внутренне дифференцированным и иерархически упорядоченным» [Чуприкова, 2021: 91].

В итоге появились весомые основания утверждать, что смерти как самостоятельного начала не существует, смерть — это сама жизнь, в своем эволюционном восхождении создающая для себя некие внутренние ограничения, ведущие к ее прерыванию: «Смерть живого организма вызывается неотрегулированностью самих же *восходящих* общеэволюционных процессов и наступает тогда, когда мощность *внешнего* вещественно-энергетического потока, проходящего через организм и питающего его, в какой-то точке развития перестает соответствовать его *внутренним* возможностям усваивать этот поток» [Рыбин, 2019: 48]. Если «на входе» в зону неблагополучия организм не меняет стратегию своей жизнедеятельности и продолжает действовать по линии сложившихся отношений со средой, то дальнейшее «повышение поведенческой эффективности преодоления стресса в результате усиления физиологических реакций может еще более усилить изнашивание и разрушение организма» [Тигранян, 1988: 116], что «на выходе» закономерно порождает распад, то есть смерть.

Таким образом, дальнейшее углубление в суть проблемы требует перехода к более объемному рассмотрению жизни в контексте всеобщего эволюционного процесса.

Эволюция в природе и культуре

Один из наиболее эффективных приемов продвижения в данном направлении — сопоставление специфики эволюционного процесса на уровне природы и уровне культуры. Рассмотрим эти варианты с учетом феномена смерти, истолкованной в качестве искаженной формы самой жизнедеятельности.

В обоих случаях осуществляется адаптация живого организма к внешней среде. В ходе природной эволюции в «ближней» пространственной и темпоральной перспективе изменяется особь, в «дальней» — вид. То, что не изменяется должным образом, неизбежно погибает [Gould, 1987: 143–145]. Как результат, в биосфере на

смену вымирающим или застывшим на более низкой эволюционной ступени видам приходят новые — морфологически изменившиеся, более приспособленные и совершенные. Так оформляется «великая цепь бытия» [Лавджой, 2001: 293–294] живой природы, где живое адаптируется к живому. В этом процессе задействована смерть, но ее фатальность искупается биологическим совершенствованием.

Появление человека и формирование культуры означают разрыв этой цепи. Люди создают техносферу в виде совокупности искусственных орудий труда, в результате человеческий вид обретает доминирующее положение в биосфере, а эволюционный процесс смещается с морфологического преобразования живых видов на преобразование внешней среды. С этого момента человек как представитель вида становится морфологически неизменным [Алексеев, 2007: 525], а сам человеческий вид за счет потребления биосферы обретает способность «существовать настолько долго, насколько будут создаваться соответствующие условия для существования на нашей планете» [Биология старения, 1982: 44]. Тем не менее адаптация живого к живому до поры сохраняется.

Ситуация радикально меняется на переломе XX–XXI веков, когда происходит вторичный разрыв «великой цепи бытия», техносфера окончательно становится над биосферой, а естественные условия человеческого существования смещаются в сторону искусственных. Данная метаморфоза как раз и превращает жизненный эволюционный процесс в деструктивный и убийственный, поскольку теперь от живого требуется адаптироваться к неживому. Внешним относительно человека проявлением данной тенденции становится экологический кризис, внутренним — «стресс непрерывных перемен» [Селье, 1979: 69], вносящий «разногласие между филогенетически сложившимися адаптивными стереотипами и новыми вызовами техносциальной среды» [Кишкун, 2008: 149], что, согласно обозначенному механизму деструкции, становится причиной массового распространения «болезней цивилизации» и депопуляции.

Наиболее проницательные мыслители еще 100 лет назад прекрасно понимали суть дела: «Невозможно удержать сколько-нибудь надолго жизнь и деятельность в порядке одного только понуждения, то есть так, что всякое действие человека совершается только через насилие над собою, только через подстегивание себя. <...> А вот именно такую жизнь в непрестанном понуждении, в одном только понуждении, приходится вести в нашей сутолоке, когда жизнь все расширяет свои запросы и спросы, а ресурсы предложения все оскудевают за “сокращением штатов”. Мы все работаем насильно и через силу, давно перейдены границы того физиологического утомления, которое дает благодетельное предупреждение, что машина требует отдыха и ремонта!» [Ухтомский, 1996: 410].

В.А. Рыбин

Проблема стресса и феномен смерти в современном мире: медико-философский аспект

Перспективы

На первый взгляд складывающееся положение выглядит мрачным и даже безвыходным. Однако, если человеческий род сам создал подобную ситуацию, то, может быть, все-таки есть надежда каким-то образом ее преодолеть? Найти в контексте многочисленных кризисов некий просвет?

Представляется, что выход просматривается, если проблему стресса решать на путях углубления учения о доминанте Алексея Алексеевича Ухтомского. Его ближайший ученик подчеркивал: «Вне принципа доминанты невозможно сколько-нибудь эффективно решить проблему стресса, идет ли речь о физиологическом или патологическом стрессе, и тем более понять достаточно полно механизмы их осуществления» [Аршавский, 1990: 121].

Одним из главных недостатков концепции стресса в интерпретации Селье является выдвигание на первый план гормонального уровня при недостаточном внимании к механизмам высшей нервной деятельности, ограниченной «по существу соотношением только двух основных процессов — торможения и возбуждения» [Саркисов, 1981: 296]. В разработке учения о высшей нервной деятельности общеизвестна роль научной школы И.П. Павлова, но в наши дни результаты деятельности школы А.А. Ухтомского выглядят более продуктивными. Вкратце суть различия между этими школами сводится к следующему: если в учении Павлова возбуждение и торможение выступают как два противоречащих друг другу, но однородных и равнозначных процесса, то Ухтомский отдавал приоритет торможению, выдвигая его в качестве более сложного и значимого — доминантного — физиологического механизма.

Доминанта — это динамически функционирующее, оформленное и направленное торможение [Ухтомский, 1978а: 131–132], доступное совершенствованию на уровне культуры [Ухтомский, 1978б: 90] посредством придания ему избирательного характера и выхода на линию более широких контактов с миром. «Это — временное исключение монотонно-однообразных реакций, которые утрачивают биологический интерес для организма ради сосредоточения на вновь приходящих, биологически важных показаниях среды» [Ухтомский, 1978а: 132]. Такой «отфильтрованный» торможением ответ на воздействие среды предполагает не возврат организма к состоянию «гомеостаза», как у Селье, а переход на новую ступень отношений с ней: «По А.А. Ухтомскому торможение представляет собой наиболее высокую и непрерывно нарастающую форму активности (курсив мой. — В.Р.)» [Ярошевский, 1990: 40].

С точки зрения учения о доминанте деструктивные психосоматические процессы в организме человека развиваются как поток

непрерывно поступающих от внешней среды импульсов, не заблокированных — не заторможенных — на уровне центральной нервной системы и потому оказывающих длительное (хроническое) и в итоге разрушительное воздействие на физиологические процессы, вплоть до их полного прерывания, то есть смерти. Новейшая концепция академика Н.П. Бехтеревой об устойчивом патологическом состоянии мозга (УПС) [Бехтерева, 2007: 179—182, 322] как застойном очаге возбуждения, вызывающем поражение внутренних систем организма, исходит из этой же посылки: речь идет не просто о влиянии коры мозга на внутренние органы (иначе это мало чем отличалось бы от «нервизма» в духе позднейшего прочтения теории Павлова), а именно о той «тугоподвижности» мозгового очага патологической импульсации, которая не позволяет человеку преодолеть стандарты своего поистине «патогенного» отношения к миру.

Дополнительным аргументом в пользу достоверности концепции Ухтомского, открывающей путь к преодолению психосоматической патологии и смерти, служат философские интуиции Анри Бергсона, утверждавшего, что мозг — это «*орган внимания к жизни*». Но из этого следует, что либо в теле, либо в сознании, которое ограничено телом, должны существовать специальные устройства, функция которых состоит в устранении из человеческого восприятия объектов, по своей природе отвлекающих человека от действия. Если эти механизмы оказываются расстроенными и дверь, которую они держали закрытой, приоткрывается, то нечто проходит из «внешнего» мира, который, возможно, есть мир «потусторонний»» [Бергсон, 1994: 343]. Это мир, откуда приходит смерть, потому что жизненный процесс в нем по отношению к человеку организован неправильно — без учета того свершившегося эволюционного сдвига, который вторично разорвал «великую цепь бытия», радикально изменил основные антропологические параметры в системе «техносфера — биосфера» и тем самым, с одной стороны, определил задачу формирования неких духовно-материальных «протекторов», способных обеспечить морфологическую неизменность человека (а вместе с этим и его выживание) в условиях нарастающего (и порождающего стресс) давления техносферных факторов, а с другой — факт фатального запаздывания с решением этой задачи.

Тем самым речь заходит о каком-то новом типе человеческого существования, который был бы альтернативен всему бывшему прежде, и господствующему по сию пору адаптивно-биологическому его типу. Но это отдельная, требующая особой разработки тема, предпосылки которой были обозначены при рассмотрении проблемы стресса и феномена смерти в современном мире.

В.А. Рыбин

Проблема стресса и феномен смерти в современном мире: медико-философский аспект

The Problem of Stress and the Phenomenon of Death in the Modern World: Medical and Philosophical Aspect

Vladimir A. Rybin

DSc in Philosophy, Professor.

Chelyabinsk State University.

129 Kashirin brothers Str., Chelyabinsk 454001, Russian Federation.

ORCID:0000-0002-3343-1048

voldemarrybin@yandex.ru

Abstract. In modern conditions, unfavorable demographic trends are becoming more and more acute. They affect the population of the most developed and prosperous regions but indicate a decrease in the viability of the human population as a whole. We are talking about the “diseases of civilization” that arise under the influence of psycho-emotional stress. Until recently, the main attention was paid to its psychological aspect, but today it is necessary to focus on its somatic, bodily component. This requires the improvement of the classical concept of stress, primarily by highlighting the basic criterion for the viability of biological organisms. Such a criterion is the phenomenon of death. Today, death is seen as a kind of autonomous beginning, absolutely the opposite of life. Nevertheless, there is a different point of view in science and philosophy, according to which death is only an epiphenomenon of life accompanying its evolutionary process. At the level of biological evolution, the living adapts to the living. At the cultural level, the inanimate principle is included in the evolution in the image of the technology that man creates. Nowadays, in the transition from the second to the third millennium, this process reaches its apogee. The technosphere rises above the biosphere, and the living is forced to adapt to the inanimate. Hence stress, mass morbidity and depopulation. To conceptualize an alternative perspective, it is necessary to interpret stress as a result of the mismatch of the processes of inhibition and excitation in the human central nervous system under the influence of unfavorable external conditions. With such an approach, the importance of A.A. Ukhtomsky’s teaching about the dominant increases, where inhibition plays a major role. It seems that the main provisions of this doctrine, introduced into a broad theoretical turn, will contribute to the productive solution of numerous problems facing modern humanity.

Keywords: man, humanity, life, evolution, depopulation, stress, oncology, death, diseases of civilization, dominant.

For citation: Rybin V.A. The Problem of Stress and the Phenomenon of Death in the Modern World: Medical and Philosophical Aspect // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 4. P. 11–26. DOI: 10.31857/S023620070027350-2

Литература/References

Алексеев В.П. Становление человечества / Алексеев В.П. Избранное: в 5 т. Т. 1. М.: Наука, 2007.

- Alexeev V.P. Stanovlenie chelovechestva [Formation of mankind]. Alexeev V.P. *Isbrannoe: v 5 t. T. 1* [Favorites: in 5 vol.]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 2007.
- Аршавский И.А. Физиологические механизмы и закономерности индивидуального развития. М.: Наука, 1982.
- Arshavsky I.A. *Fiziologicheskie mehanizmy i zakonomernosti individualnogo rasvitiya* [Physiological mechanisms and patterns of individual development]. Moscow: Nauka Publ., 1982.
- Аршавский И.А. Роль А.А. Ухтомского в создании теоретических предпосылок для исследований физиологических механизмов индивидуального и филогенетического развития // Учение А.А. Ухтомского о доминанте и современная нейрофизиология: сб. науч. трудов. Л.: Наука, 1990.
- Arshavsky I.A. Rol A.A. Uhtomskogo v sosdanii teoreticheskikh predposilok dlj issledovaniy fiziologicheskikh mehanizmov individualnogo i filogeneticheskogo rasvivij [The role of A.A. Ukhtomsky in creating theoretical prerequisites for the study of physiological mechanisms of individual and phylogenetic development]. *Uchenie A.A. Uhtomskogo o dominante i sovremennaj neurofiziologia* [A.A. Ukhtomsky's teaching about the dominant and modern neurophysiology: Collection of scientific works]. Leningrad: Nauka Publ., 1990.
- Бауэр Э.С. Теоретическая биология. СПб.: Росток, 2002.
- Bauer E.S. *Teoreticheskaja biologiya* [Theoretical biology]. St.-Petersburg: Rostok Publ., 2002.
- Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994.
- Bergson H. *Dva istochnika morali i religii* [Two sources of morality and religion]. Moscow: Canon Publ., 1994.
- Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Канон-пресс, 1998.
- Bergson H. *Tvorcheskaj evolutia* [Creative evolution]. Moscow: Canon-Press Publ., 1994.
- Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007.
- Bekhtereva N.P. *Magia mosga i labirinty shisni* [The magic of the brain and the labyrinths of life]. Moscow: AST; St.-Petersburg: Sova Publ., 2007.
- Биология старения. Руководство по физиологии. Л.: Наука, 1982.
- Biologia Starenia. Rucovodstvo po fiziologii* [Biology of aging. Manual of Physiology]. Leningrad: Nauka Publ., 1982.
- Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 2001.
- Vernadsky V.I. *Himicheskoe stroenie biosferi Zemli i ee okrushenia* [Chemical structure of the Earth's biosphere and its environment]. Moscow: Nauka Publ., 2001.
- Гаврилов Н.А., Гаврилова Н.С. Биология продолжительности жизни / отв. ред. В.П. Скулачев. М.: Наука, 1991.
- Gavrilov N.A., Gavrilova N.S. *Biologia prodolshitelnosti shisni* [Biology of life expectancy], ed. by V.P. Skulachev. Moscow: Nauka Publ., 1991.
- Глобальное бремя болезней: Порождение доказательств, направление политики. Институт по измерению показателей здоровья и оценке состояния здоровья, 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.healthdata.org/sites/default/files/files/policy_report/2013/WB_EuropeCentralAsia/IHME_GBD_WorldBank_EuropeCentralAsia_FullReport_RUSSIAN.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

В.А. Рыбин

Проблема стресса и феномен смерти в современном мире: медико-философский аспект

- 24

- Рыбин В.А. К вопросу о человеческом бессмертии: некоторые философские и эволюционные предпосылки решения // Вестник ЧелГУ. Философские науки. 2019. Вып. 51. № 2. С. 48.
- Rybin V.A. K voprosu o chelovecheskom bessmertii: nekotorye filosofskij I evolutsionnie predposilki reshenij [On the question of human immortality: some philosophical and evolutionary prerequisites for the solution]. *Bulletin of ChelSU. Philosophical sciences*. 2019. Iss. 51. N 2. P. 48.
- Саркисов Д.С. Структурные основы гомеостаза // Гомеостаз / под ред. П.Д. Горизонтова. М.: Медицина, 1981.
- Sarkisov D.S. *Structurnie osnovi gomestasa* [Structural foundations of homeostasis]. *Homeostasis*. Ed. by P.D. Horizontov. Moscow: Medicine Publ., 1981.
- Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979.
- Selye H. *Stress bes distressa* [Stress without distress]. Moscow: Progress Publ., 1979.
- Словарь физиологических терминов / отв. ред. акад. О.Г. Газенко. М.: Наука, 1987.
- Slovar fisiologicheskikh terminov* [Dictionary of Physiological Terms]. Ed. by akad. O.G. Gazenko]. Moscow: Nauka Publ., 1987.
- Стресс: иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1995.
- Stress. Illustrirovannij enciklopedicheskij slovar* [Illustrated Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Big Russian Encyclopedia, 1995.
- Тигранян Р.А. Стресс и его значение для организма / отв. ред. О.Г. Газенко. М.: Наука, 1988.
- Tigranyan R.A. *Stress i ego snachenie dlja organism* [Stress and its significance for the body]. Ed. by O.G. Gazenko. Moscow: Nauka Publ., 1988.
- Тополянский В.Д., Струковская М.В. Психосоматические расстройства. М.: Медицина, 1986.
- Topolyansky V.D., Strukovskaya M.V. *Psihosomaticheskie rasstoistva* [Psychosomatic disorders]. Moscow: Medicine Publ., 1986.
- Трубников Н.Н. Проспект книги о смысле жизни // Квинтэссенция: Философский альманах. М.: Политиздат, 1990.
- Trubnikov N.N. Prospect knigi o smisle shisni [Prospect books about the meaning of life]. *Kvintessentia: Filosofskii almanah* [Quintessence: Philosophical almanac]. Moscow: Politizdat Publ., 1990.
- Улумбекова Г.Э. Здоровоохранение России. Что надо делать. Краткая версия. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2016.
- Ulumbekova G.E. *Zdravohranenie v Rossii. Chto nado delat. Kratkaja versia* [Healthcare of Russia. What to do. Short version]. Moscow: GEOTAR-Media Publ., 2016.
- Ухтомский А.А. Возбуждение, утомление, торможение // А.А. Ухтомский. Избранные труды. Л.: Наука, 1978а.
- Ukhtomsky A.A. *Vozbushdenie, utomlenie, tormoshenie* [Excitement, fatigue, inhibition]. Ukhtomsky A.A. *Izbrannie proisvedenia* [Selected works]. Leningrad: Nauka Publ., 1978a.
- Ухтомский А.А. Доминанта как фактор поведения // А.А. Ухтомский. Избранные труды. Л.: Наука, 1978б.

В.А. Рыбин
Проблема стресса и феномен смерти в современном мире: медико-философский аспект

- Ukhtomsky A.A. Dominanta kak factor povedenia [Dominant as a factor of behavior]. Ukhtomsky A.A. *Isbrannie proisvedenia* [Selected works]. Leningrad: Nauka Publ., 1978b.
- Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
- Ukhtomsky A.A. *Zaslushennij sobesednik. Etika. Religia. Nauka* [Honored Interlocutor: Ethics. Religion. The science]. Rybinsk: Rybinskoje podvorje Publ., 1997.
- Ухтомский А.А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996.
- Ukhtomsky A.A. *Intuitia sovesti: Pisma. Zapisnie knishki. Zametki na poljah* [Intuition of conscience: Letters. Notebooks. Notes in the margins]. St.-Petersburg: Peterburgskij pisatel' Publ., 1996.
- Человечество обречено на вымирание? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2021/10/02/1924202.html> (дата обращения: 15.02.2023).
- Chelovechestvo obrecheno na vimiranie? [Is humanity doomed to extinction?] [Electronic resource]. URL: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2021/10/02/1924202.html> (date of access: 15.02.2023).
- Вопросы вымирания: каким будет население Земли к концу столетия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1426051/mariia-shaipova/voprosy-vymiraniia-kakim-budet-naselenie-zemli-k-kontcu-stoletiia> (дата обращения: 15.02.2023).
- Voprosi vimiranja: kakim budet naselenie semli [Questions of extinction: what will be the population of the Earth by the end of the century] [Electronic resource]. URL: <https://iz.ru/1426051/mariia-shaipova/voprosy-vymiraniia-kakim-budet-naselenie-zemli-k-kontcu-stoletiia> (date of access: 15.02.2023).
- Человечеству предрекли вымирание из-за стрессов [Электронный ресурс]. URL: <https://mir24.tv/news/16472022/chelovechestvu-predrekli-vymiranie-iz-za-stressov> (дата обращения: 15.02.2023).
- Chlovechestvu predrecli vimiranie is-sa stressov [Mankind has been predicted to die out due to stress] [Electronic resource]. URL: <https://mir24.tv/news/16472022/chelovechestvu-predrekli-vymiranie-iz-za-stressov> (дата обращения: 15.02.2023).
- Чуприкова Н.И. Психическая деятельность мозга. Язык и сознание. М.: Языки русской культуры, 2021.
- Chuprikova N.I. *Psihicheskaja dejtelnost mosga. Jsik i sosnanie* [Mental activity of the brain. Language and consciousness]. Moscow: Yazyki russkoi kultury Publ., 2021.
- Ярошевский М.Г. А.А. Ухтомский и проблема мотивации поведения // Учение А.А. Ухтомского о доминанте и современная нейрофизиология: сб. науч. трудов. Л.: Наука, 1990.
- Yaroshevsky M.G. A.A. Ukhtomsky i problema motivacii povedenia [Ukhtomsky and the problem of behavior motivation]. *Uchenie A.A. Uhtomskogo o dominante i sovremennaj neirofisiologia: Sbornik nauchnyh trudov* [A.A. Ukhtomsky's teaching about the dominant and modern neurophysiology: Collection of scientific works]. Leningrad: Nauka Publ., 1990.
- Gould S.J. *Times arrow, times cycle*. Harvard University Press, Cambridge, London, 1987.
- Lewontin R.C. *Biology as ideology*. Concord, Ontario: Anansi Press Limited Publishing House, 1991.